

Православные полемисты всегда противопоставляли римскому католицизму православие как соборную церковь, а не папскую, как церковь братской любви и согласия, а не принудительного подчинения папской власти. Этот идеальный образ православия весьма привлекателен для христианской души и полностью соответствует евангельскому образцу. Но вот насколько он соответствует и историческим фактам? Можно ли сказать, что главная православная церковь – Константинопольская, на которую всегда равнялись и до сих пор равняются все православные церкви Востока, хоть в какой-то степени приближалась в течение своей 17-вековой истории к этому идеалу и была чужда папистских притязаний?

В последние годы в связи со спорами об украинской автокефалии, представители Константинопольского патриархата вновь громко озвучили претензии на свое исключительное и безоговорочное лидерство в мировом православии, включая сюда право вмешиваться в дела других поместных церквей и служить для них последней судебной инстанцией, пересматривать решения их соборов, изменять многовековую православную традицию, даровать автокефалию тем, кому захотят, или отбирать такой статус, даже если он был выдан несколько веков назад, - в общем, «вязать и решить» все вопросы по своему усмотрению. При этом свое право на исключительное лидерство в православном мире Константинополь обосновывает на православной традиции и предании. Поэтому представляет интерес исторический разбор претензий Константинопольской кафедры. Начать придется с эпохи Вселенских соборов.

Новая имперская столица, но не апостольская кафедра

Постройка Константинополя, как новой столицы восточной половины Римской империи была в основном завершена в 335 г. До этого со времен императора Диоклетиана такой столицей была Никомидия. Константинополь возник на месте полностью разрушенного в ходе войны Константина с Ликинием небольшого городка Византия. Византий входил в округ Фракия с центром в городе Ираклия. Поэтому до конца IV века епископ Константинополя формально считался подчиненным Ираклийскому митрополиту. Его возвышение было связано исключительно со статусом имперской столицы, «городом царя и синклита», как это прямо и утверждалось в канонах II и IV Вселенских соборов. Соперники Константинополя, особенно из Римской и Александрийской церкви, отмечали, что он не был апостольской кафедрой, т. е. церковью, ведущей свое непрерывное начало непосредственно от апостолов Христовых. Таковыми на Востоке были, прежде всего, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская кафедры (а также Ефесская, Фессалоникская, Коринфская и другие, упомянутые в Новом Завете). Первый Вселенский собор в Никее (325) утвердил вслед за Римской кафедрой старшинство Александрии и Антиохии, ничего не сказав о Константинополе, которого пока еще не было.

Соперники Константинополя пытались этим доказать, что его позднейшее возвышение произошло не по Божественному установлению, а по чисто человеческому. Полностью с этим согласиться нельзя. Сама кафедра первого Рима возвысилась именно по такому же «столичному» признаку, ибо можно уже считать исторически доказанным факт, что основана она была не кем-либо из двенадцати апостолов. Последующая история показала промыслительность постройки новой столицы и ее церкви, сыгравшей огромную роль в утверждении христианства на Востоке. Многовековая история Константинополя в эпоху религиозных смут и варварских нашествий явно проходила под действием Промысла. И ничего плохого в возвышении столичной кафедры нет. Но покров Божий и над отдельным христианином, и над целой поместной церковью еще не означает одобрения свыше всех ее претензий на первенство над другими, тем более таких претензий до скончания века. Царство Божие может и отниматься от тех, кто не приносит плодов его.

Очевидно однако, что в отличие от Рима, Александрии и Антиохии, Константинополь не имел славной христианской традиции, идущей от апостолов и мужей апостольских, не имел сонма собственных мучеников, плеяды отцов, апологетов, не имел своей богословской школы. Своим возвышением он был обязан только близостью своего епископа к христианскому императору. Здесь открывались широкие возможности по церковному строительству, но здесь же таилась и опасность обмирщения. Столичный епископ легко мог превратиться в угодливого придворного при царском дворе и одновременно – в сурового господина для подчиненной ему паствы и сопастырей. Трудно было **не** превратиться в такого деятеля.

Неудивительно, что с самого начала Константинопольские епископы были представлены отнюдь не светлыми личностями. Первым столичным епископом был Евсевий (бывший Никомидийский), положивший

начало новому типу «придворных епископов», мастер придворных интриг, покровитель ариан, заклятый враг св. Афанасия Великого. За ним на протяжении около сорока лет тянутся подобные же преемники: Македоний, известный в истории лидер ереси «духоборчества», Евдоксий, Демофил, которых не любит вспоминать официальная история Константинополя. С одной стороны, они враги Никейского исповедания, покровители арианства, с другой, – человекоугодники перед светской властью и волки по отношению к собратьям и пастве. На этом темном фоне вскоре блеснули два ярких луча света: святители Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, которым глубоко чуждо было всякое лицемерие и роскошь и для которых Христос был всем. Оба пробыли в столице не долго, оба стяжали любовь народа и ненависть придворных интриганов и завистников, и оба были изгнаны. Их судьба, в особенности же история изгнания Златоуста, отвергнутого большинством столичного духовенства и монашества, а не только придворными кругами, отнюдь не прибавила славы столичной кафедре.

Итоги эпохи Вселенских соборов для Константинополя

До сих пор представители Константинополя для обоснования своих притязаний ссылаются на 28 правило IV Вселенского собора в Халкидоне. В этом каноне утверждается право столичного епископа рукополагать митрополитов в трех соседних округах: Фракии, Понте и Асии, а также управлять церквями в «землях варваров». На тот момент под этими землями понималось только северное Причерноморье, а сейчас-то подразумевается вся планета, от Канады до Австралии, любая диаспора любого православного народа, на которую Фанар пытается простереть свой омофор, ссылаясь именно на это самое правило, за неимением чего-либо лучшего! Кроме того, в 28-м каноне утверждается равенство чести «Нового Рима» с первым Римом при сохранении первенства древней столицы, но уже с «обгоном» по чести Антиохии и Александрии.

Хотя этот канон и принят Халкидонским собором, но равнять его по значению со знаменитым Халкидонским Оросом – вероисповедным документом, ни в коем случае нельзя. Орос несет на себе печать вразумления отцов собора свыше, уясняет важнейший догмат о воплощении Христа. Канон же является явным делом рук человеческих, касается дел земных, конкретного церковно-административного деления территорий в те времена. Церковные историки Болотов, Лебедев, Поснов, Карташов отмечали, что 28 канон был принят на отдельном заседании, после отъезда римских легатов и в отсутствие митрополитов указанных областей, низложенных ранее за соучастие с Диоскором в его безобразиях на «Разбойничьем» соборе 449 г. То есть, принят он, по сути, не вполне законно. Римская церковь его не признала сразу. Позднее патриарх Константинопольский Анатолий униженно упрашивал в переписке папу Римского Льва (главного вдохновителя Халкидонского собора!) признать и этот канон, но безуспешно. Даже для того времени этот канон был продуктом не слишком честной церковной политики, неприемлемой для многих сопастырей. Тем более странно усваивать ему какое-то вечное значение, имеющее силу спустя более полутора тысячелетий!

Этот сомнительный канон ознаменовал торжество столичной кафедры над древнейшими кафедрами Востока, Александрией и Антиохией, в борьбе с которыми «Новый Рим» «обрел право свое». Этот же канон положил начало борьбе за первенство с «Ветхим Римом». Современники хорошо знали автора этого документа. Патриарх Анатолий, «протокнувший» его, был прежде представителем в Константинополе Александрийского папы Диоскора и активным участником «Разбойничьего» собора в Ефесе (449). Тот собор завершился физическим насилием над законным Константинопольским патриархом Флавианом, который очень вскоре скончался. Анатолий был рукоположен на место умученного Флавиана незаконно даже с формально-канонической точки зрения, не говоря уже о моральной. Через два года на соборе в Халкидоне он, трезво оценив резко изменившийся расклад сил, бросил своего бывшего патрона Диоскора и перешел на другую сторону, сохранив тем самым за собою положение столичного архиепископа. При этом за патриархом Анатолием остается заслуга православного догматиста, сторонника Халкидонского исповедания, церковного песнописца, автора многих стихир. Но его церковно-политическое наследие никак не является образцом для подражания. Это не прямой и честный путь святых Григория и Златоуста, предшественников Анатолия по кафедре.

В личности патриарха Анатолия, как в зеркале, отразились антиномичные черты будущего «церковного князя». С одной стороны, знание догматических тонкостей православия, красоты его богослужения, свой личный вклад в эти области, а с другой – нравственный минимализм, переходящий в непорядочность,

изошренное церковное политиканство. Характерно, что именно Анатолий первым из Константинопольских архиереев принял титул патриарха, и он же обозначил основную церковно-политическую линию этой церкви.

Объективно столичная церковь в V-VII веках оставалась единственной православной церковью на Востоке посреди разбушевавшегося монофизитского моря. Но в этом скорее заслуга православных императоров, начиная с Маркиана и Льва I, которые, несмотря на ряд компромиссов, не допустили в столице торжества монофизитства. Роль столичных патриархов в борьбе с христологическими ересями первую явно не была.

Историки подсчитали, что за время эпохи Вселенских соборов около двадцати патриархов Константинополя были персонально анафематствованы этими самими соборами за ереси (арианство, несторианство, монофизитство, монофелитство, иконоборчество). Для сравнения из Римских пап под анафему Вселенского собора (VI) попал только один Гонорий. Для поднятия своего престижа Константинопольская патриархия канонизировала почти всех остальных своих патриархов, хотя среди них было много далеко не святых по своим нравам персонажей, как например, Арзакий и Аттик – лютые враги и гонители Златоуста и его сторонников, незаконно занимавшие его место. Или тот же Анатолий и подобные ему иерархи времен господства монофелитской и иконоборческой ереси, которые вовремя оставили проигравший еретический лагерь, перешли на православную сторону и, как иронизировал Вл. Соловьев, подобно работникам одиннадцатого часа, приняли полную мзду – канонизацию во святых. Во всяком случае, пятивековой период (IV-IX век) эпохи Вселенских соборов не прибавил славы Константинопольской кафедре, не подтвердил ее претензии на лидерство среди христиан Востока.

На этом фоне странно выглядит титул «вселенского патриарха», дарованный в 590-е годы императором Маврикием патриарху Иоанну Постнику. Титул был дан царской милостью, а не церковным собором, и однако же, «прилип» к самому патриарху и его кафедре навсегда так что современные представители Фанара называют свой патриархат не иначе, как вселенским, экуменическим, а не Константинопольским. Размытость формулировки такого титула давала простор для самых широких его толкований, ведь ойкумена-вселенная означала и всю империю ромеев, и всю вообще населенную людьми землю. Против этого титула резко выступил св. Григорий Великий (он же Двоеслов), папа Римский, указывая, что такой титул дает право его носителю претендовать на полную и единоличную власть во всей церкви. Патриарх Иоанн оправдывался, что это титул лишь почетный, не имеющий реального содержания. Реального содержания титул, действительно, никогда не имел, но последующая история показала, что опасения папы Григория были основательны. Ведь проблема не в реальном содержании титула, а в самоощущении его носителей, ведь даже после падения империи ромеев Константинопольские патриархи верят в свои церковные права над христианами всей ойкумены, всей планеты.

При этом в самой империи ромеев, в канонических пределах Константинопольского патриархата, авторитет его предстоятелей стоял весьма не высоко. Подтверждением тому служат письма преп. Феодора Студита римским папам конца VIII – начала IX века, где лидер столичного монашества столпом православия исповедует, безусловно, Римскую, а не Константинопольскую кафедру. В течение IX века такую же позицию занимала партия «игнатиан», затем в начале X века партия «николаитов» (см. об этом в нашей книге выше). Эти партии, составленные из монахов-ревнителей, жаловались на своих патриархов в Рим, признавая за папами право последнего церковного суда. Заметим, что теперь речь шла уже не о ересь (как во времена св. Афанасия), а о гораздо менее значимых вопросах. Однако Риму, видимо, такие постоянные апелляции с Востока понравились. Римские апологеты всю эту историю хорошо помнят до сих пор. И можно положительно утверждать, что этот вклад греков в становление Римского папизма весьма значителен. Парадоксальным образом самоутверждение восточного папизма утверждало папизм западный!

Изучая отношения Константинополя с Римом в период от основания Константинополя (335) и до «разделения церквей» (1054), историки подсчитали, что из этих 720 лет упомянутые кафедры находились в общении 270 лет, а 450 лет были в разрыве. Причем эти годы складываются из десятилетий пребывания Константинополя в ересь (осужденных после вселенскими соборами), а также в конфликтах по поводу ряда патриархов, свергнутых, но поддержанных Римом (например, двадцатилетний разрыв из-за низложения Златоуста, которого поддерживал папа Иннокентий). Неправда Рима проявилась только с IX века, когда папа Николай явно обнаружил притязания на абсолютную власть и поддержал партию «игнатиан». Большая же часть разрывов той эпохи произошла по вине Константинополя.

Конечно, история церкви не сводится к статистике, как и сам организм Церкви не сводится к церковной организации, возглавляемой иерархией. В Константинопольской церкви в эпоху Вселенских соборов кипела

активная церковная жизнь, подвизались ревнители благочестия, богословы, полемисты, песнописцы, составившие заслуженную славу этой церкви. Но здесь речь идет не о подвижниках, а о предстоятелях этой церкви и об их претензиях быть эталоном православия (т. е. по сути о догматической непогрешимости) и об их власти за пределами своего патриархата (тех самых областей Фракии, Понта и Асии, указанных в 28 каноне Халкидонского Собора, а далее – по всем пунктам). Так вот, история эпохи Вселенских соборов показывает, что ни столпами догматического православия, ни образцами евангельского пастырства, ни просто нравственно-цельными личностями, способными отстаивать идеи и принципы, большинство из них не являлось. Эпоха Вселенских соборов оставила Константинопольскую кафедру в большом «минусе».

Догмат или исторический факт

Профессор В. Болотов так сформулировал отличие папства от патриаршества: «Папство есть догмат, патриаршество есть исторический факт. Папство говорит, что оно должно быть, патриаршество говорит, что оно есть в силу определенных исторических причин». Посмотрим с этой точки зрения, как характеризовало себя само Константинопольское патриаршество.

Начать нужно с того, что формально догмат о папской непогрешимости был принят первым Ватиканским собором как раз во времена проф. Болотова, а до этого отражался только в общепринятом римском предании, не на уровне формального догмата, то есть, в тех же формах, что и претензии Константинополя. Конечно, имея весьма не светлую историю, Константинополь, подобно Риму, не посмел бы утверждать свой примат на уровне догмата. Во-первых, Рим был апостольской кафедрой, во-вторых, самой уважаемой церковью доникейской эпохи, в-третьих, признанным лидером в утверждении ортодоксии в эпоху Вселенских соборов. Хотя и эти исторические заслуги не оправдывают папистских притязаний на власть и непогрешимость, но ничего из этих трех заслуг у Константинополя не было. И довольствоваться своим статусом только как «историческим фактом» для утверждения своего господства на Востоке константинопольским патриархам справедливо казалось недостаточным.

В толкованиях на сочинение Ареопагита «О церковной иерархии» была предпринята интересная попытка. Сопоставляя небесную иерархию из девяти ангельских чинов с иерархией церковной, сам Ареопагит составил две триады: 1) оглашенные, миряне, монахи, 2) диаконы, пресвитеры, епископы. Византийские толкователи X-XI века добавили к ней триаду третью, так сказать, недостающую: 3) митрополиты, архиепископы, патриархи. Тем самым, патриарший сан уподобился (сравнился?) с чином херувимов, далеко оторвался от епископского сана. Патриарх, по сути, становился епископом над епископами, никак не первым среди равных. Формально это не провозглашалось догматом, но частью предания восточной церкви уже становилось.

Другим памятником, вошедшим в это предание, стали новеллы императора Юстиниана, где в частности вся христианская церковь объявлялась разделенной только на пять патриархатов – столько их входило в Византийскую империю во времена самого Юстиниана. Соответственно, власть в церкви принадлежала «пентархии» - пяти патриархам. Это учение не соответствовало исторической действительности уже во времена Юстиниана: некоторые православные церкви на Западе и Востоке не входили ни в один из пяти патриархатов. Позднее с образованием поместных национальных церквей и с фактическим падением самих патриархатов это учение вообще утратило смысл. Тем не менее, оно было принято Константинополем на вооружение и в наши дни снова громко заявлено на совещании «пентархии»: предстоятелей Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского патриархатов и Кипрской архиепископии, что высшая власть в православии принадлежит именно этой пятерке. Хотя ни в постановлениях Вселенских соборов, ни в трудах св. отцов той эпохи ничего на эту тему нет.

Такой памятник Византии, как «Епанагога», принятый в свод законов императором Василием Македонянином, а составленный патриархом Фотием, подчеркивает особые права столичного патриарха, как хранителя и гаранта православия. Во-первых, он говорит о симфонии только царя и патриарха - в отличие от 6 новеллы Юстиниана, где говорилось о симфонии царства и священства, причем под последним понимался весь епископат. Во-вторых, «Епанагога» говорит, что только патриарх носит в своем служении образ Христа, а другие епископы – только образ апостолов, хотя образ Христа предполагал бы и хриstopодражательные нравы, а не только сан своего носителя. В-третьих, патриарх наделяется особыми правами и в государственном управлении: надзирает за правоверием и наказывает за ересь. Можно понять лично патриарха Фотия, который, как мы уже видели, много пострадал от произвола того же самого

императора Василия и желал бы на будущее закрепить права своих преемников. Но все же фигура патриарха явно выходит у него за пределы «первого среди равных» епископов по чести и административным правам и приобретает уже сакральное значение. И как бы в насмешку над этой декларацией сын Василия Македонянина, император Лев Премудрый, согнав с патриаршества самого Фотия, поставил вместо него патриархом своего шестнадцатилетнего брата Стефана. Вот такой мальчик, носитель «образа Христа»!

Патриарху Фотию принадлежит и мнение, что царство от греков не отнимется до скончания века, что «второй Рим» будет оставаться лидером православия до конца мировой истории. Это мнение также прочно вошло в греческое предание и самосознание, несмотря на очевидные исторические факты, что царство от них отнялось уже пять с половиной веков назад и, видимо, навсегда.

К этому культу патриаршества примыкают и послания патриарха Филофея на Русь, относящиеся к 1370-м годам. Исследовавший их профессор И. Мейендорф указывал, что, обосновывая свою власть над землями варваров, патриарх Филофей рисует картину совершенно «восточного папства», почти ничем не ограниченного. Это опять же не догматический документ, а церковно-политическое послание Константинополя «варварам», которые, якобы, кроме языка самохвальства и угроз, ничего не понимают. Но такого рода документы, периодически появляющиеся из константинопольской патриаршей канцелярии, отражают ее самосознание и тоже входят в предание этой церкви.

С XI века для обоснования равночестности с Римом рождается легенда, что предшественница Константинопольской церкви – христианская община города Византия якобы основана самим апостолом Андреем. Хотя никаких свидетельств в пользу этого утверждения из документов II-IV века извлечь, разумеется, невозможно. Да и позже, в эпоху Вселенских соборов, никто ничего подобного не знал. Но после разрыва с Римом эта легенда также прочно входит в восточное предание для оправдания претензий Константинополя на первенство, как якобы апостольской кафедры. Она попадает в синаксари и прологи, т. е. в чтения для простого народа.

Все из вышеупомянутого о первенстве Константинополя и его патриарха не фиксируется в каких-либо вероопределениях, не принимается на соборах в качестве нового догмата. Тем не менее, эти положения входят в достаточно растяжимое церковное предание и откладываются в сознании церковного народа наряду с вероисповедными истинами. **Исторический факт плавно переходит на уровень догмата.** Формальный статус догмата значит здесь уже не столь много.

Результат такой эволюции церковного сознания наглядно иллюстрирует случай, приводимый Стефаном Герлахом, немецким профессором-теологом, работником посольства в Стамбуле в 1570-х годах. Герлах имел длительные доброжелательные беседы с тогдашними ведущими богословами Константинопольской патриархии – отцом и сыном, Иоанном и Феодосием Зигомола. Среди прочего они ему заявили, что если бы и сам Христос сошел на землю и стал бы проповедовать противное тому, что мы, греки, приняли от своих предшественников, то мы не поверили бы и самому Христу. О том, что именно так и поступили иудеи, современные Христу, эти ведущие богословы почему-то не подумали. А может быть, они в такой форме как раз критиковали устоявшееся в их времена заблуждение? В любом случае перед нами дана оценка греческого церковного сознания изнутри – и это важно.

Спор с Римом из-за территорий и власти

С IV века границы церковных владений приводились в соответствие с административным делением Римской империи. Император Константин оставил в силе деление императора Диоклетиана, в соответствии с которым на Балканах к восточной половине империи относилась только область Фракии, а остальная часть Балкан, включая Ахаию и Иллирик, относилась к западной половине. Тем самым, собственно Греция и Македония оказались в церковном подчинении римских пап. И действительно, епископы Фессалоник и Афин в IV-VII веках ездили на соборы в Рим, а не в Константинополь, получали от пап звание «викариев апостольского престола».

В 730-х годах ситуация изменилась. Император-иконоборец Лев Исаврянин, желая наказать римских пап за их сопротивление иконоборчеству, издал указ, по которому все Балканы, а также Сицилия и Южная Италия передавались в церковное управление Константинопольским патриархам, согласным с политикой императора. На VII Вселенском соборе (787) папские легаты поставили перед патриархом Тарасием вопрос о возвращении территорий, похищенных у пап императором-еретиком. Патриарх Тарасий постарался

затянуть и замять этот вопрос. Положение партии иконопочитателей было тогда весьма шатким, и подобные «репарации» Риму с их стороны могли вызвать взрыв возмущения и смену власти.

Вновь к этому вопросу вернулся папа Николай в 857 году, получив в свои руки сильный козырь – апелляцию свергнутого царской властью патриарха Игнатия, на занявшего столичный престол нового патриарха Фотия. Папа прозрачно намекал Фотию, что тот получит признание от Рима, только если вернет Балканы, Южную Италию и Сицилию. Фотий, как государственный деятель Византийской империи, конечно, на такие уступки не пошел. В конце концов, спор решили арабы, захватившие Сицилию и Южную Италию.

Спор патриархов за территории шел параллельно с борьбой за эти же земли Византии с империей Каролингов. Пастырские соображения почти не учитывались. Конечно, папские притязания на Балканы, давно утраченные Римской империей и заселенные уже новыми народами, были не убедительны с пастырской точки зрения. Но и претензии Константинопольских патриархов на те же территории основывались на таких же меркантильных расчетах. Просвещать славян и окормлять их в духе Христовом в патриархии всерьез не собирались (о чем также см. в нашей книге выше). Последующая история Болгарской церкви это убедительно показала.

Вновь вопрос о церковных владениях в Южной Италии всплыл накануне «разделения церквей» в 1054 г. Как убедительно показали труды церковных историков Скабалановича, Лебедева, Поснова и др., инициатива разрыва исходила от Константинополя. Стремясь удержать под своей властью остатки италийских епархий, патриарх Михаил Керулларий пытался убедить тамошних жителей в еретичности латинского обряда. По его поручению архиепископ Лев Охридский написал сочинение о еретичности латинской практики служения на опресноках и поста в субботу. Показательно, что об исхождении Святого Духа (*filioque*) речь еще не шла. Это сочинение, адресованное епископу Иоанну Транийскому, активно распространялось в Италии, не только в греческих, но и в латинских приходах – и ожидаемо спровоцировало взрыв. Момент для нападения был выбран удачно: тогдашний папа Лев IX попал в плен к норманам, где и умер позже, и папский престол был в значительной степени парализован в управлении церковью.

Стоит сказать и о самом Михаиле Керулларии, которого даже сами греки не дерзнули канонизировать. Выходец из византийской аристократии, участник одного из многих неудачных придворных заговоров, он в свое время попал в тюрьму, а затем в монастырь. С восшествием на престол своего товарища по заговору Константина Мономаха он внезапно стал патриархом. Именно Михаил первым присвоил себе некоторые внешние атрибуты царской власти: красную обувь, красные чернила для подписи и др. Сама хиротония его сопровождалась интересными подробностями, которые сохранили византийские хронисты. При хиротонии на шею и главу ставленника возлагается открытое Евангелие, письмена вниз. Византийцы верили, что текст (левый верхний абзац), на котором раскрылась книга, предскажет будущую судьбу иерарха. В данном случае открылся абзац от Матфея: *идите от Меня проклятые в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41)! Хиротонию не прервали, но слова запомнили. Вскоре после хиротонии, на праздник Пасхи 1052 года молния ударила в крест и купол храма св. Софии. Еще через несколько месяцев в храме случился большой пожар. Все вместе эти знамения должны насторожить не только суеверных византийцев. Но главное, сами дела патриарха Михаила не дают оснований почитать его за богоугодного пастыря, тем более – каким-то столпом православия. Через несколько лет после разрыва с Римом он составил заговор против нового императора – Исаака Комнина в пользу своего племянника. Заговор опять был раскрыт, и патриарх-интриган окончательно лишился своего поста и был отправлен в монастырь.

Но вернемся к событиям лета 1054 года. Тогда патриарх Михаил закрыл несколько храмов латинского обряда в Константинополе, которыми пользовались западные паломники и купцы. При этом чиновники патриархии допустили кощунство, рассыпав по полу и поправ ногами латинские облатки – Св. Дары на опресноках. Подробности этого инцидента приводит проф. Скабаланович []. Эта провокация ожидаемо вызвала ярость латинян: известное письмо папы Льва, написанное им из заключения незадолго до смерти. Затем последовала пресловутая анафема от имени папы (к тому времени уже умершего) папского легата кардинала Гумберта, которые подробно разобраны православными полемистами. Эти латинские документы преисполнены ненависти к греческим конкурентам и папских притязаний на власть. Они также заслуживают осуждения. Но нужно понимать, что написаны они не в ходе академического диспута, а в ходе жестокой борьбы за власть между церковными центрами и в ответ на кощунственные и агрессивные действия Керуллария. И из того, что латиняне были неправы, никак не следует, что были правы греки. Перед судом Евангелия и перед судом добросовестной истории неправы были обе стороны. Историки согласны, что именно патриарх Михаил умело провоцировал властолюбивых латинян на такой шаг, как анафема. При

этом, хотя анафема касалась персонально самого Михаила и его близких сообщников, но он сумел представить латинских «агрессоров», как анафематствующих всю восточную церковь.

Ответная анафема Михаила Керулария на папу и Римскую церковь была принята на заседании Синода из 23 членов. Собрать какой-либо всеправославный собор по такому важному вопросу не стали. И позднее в течение четырех веков до падения Константинополя этот вопрос на широком соборе не обсуждался. Уже современник патриарха Михаила Антиохийский патриарх Петр возражал против разрыва с Римом и предлагал созвать большой собор, но его проигнорировали.

Показательно, что обвинения латинян в ереси шли тогда в таком порядке: 1) опресноки, 2) пост в субботу, 3) filioque. Совершенно отсутствовал пункт о папском примате, точнее о первенстве папской власти, хотя этот принципиальный вопрос уже однозначно был выражен в латинских документах на тот момент, и латинское учение здесь было не совместимо с православной экклезиологией. И в дальнейшем в течение четырех веков, даже на Флорентийском соборе, этот вопрос греками не поднимался или не оспаривался. Очевидно «папского слона» не примечали именно потому, что Константинопольский патриарх сам претендовал на роль восточного папы. К тому времени восточные патриархи, как правило, назначались из Константинополя, а сами патриархаты Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский, ставшие лишь бледной тенью былого, фактически утратили свою самостоятельность и всякое значение. Столичный синод решал все вопросы церковной жизни, а редкие и непредставительные соборы играли лишь вспомогательную роль. Противопоставление: у нас, мол, не папская, а соборная церковь, - осталось лишь в сочинениях некоторых православных полемистов для сугубо внешнего употребления. Качественная разница с римским папством была утрачена. Осталась лишь разница количественная, причем в этом количественном сравнении Рим выглядел на порядок солиднее.

Конечно, причины разрыва Рима с Константинополем в XI веке были разнообразными и не сводимы только к соперничеству патриархатов. Сказалось культурное различие греков и латинян, разница в национальной психологии и менталитете. Но Константинопольский престол сыграл в этом роковом разрыве свою ведущую роль, так же как и до этого в разрыве с негреческим христианским Востоком. Впоследствии, декларируя на словах борьбу за церковную свободу от папских притязаний, Константинопольский патриархат скорее боролся за утверждение собственной власти над всем Востоком, во многом аналогичной власти папской. Орудием этой борьбы были многообразные интриги византийского образца и поддержка в народных массах религиозно окрашенного греческого шовинизма. (Кстати, западное папство было свободно от какого-то итальянского национального шовинизма).

Да, с Римом были догматические различия, самым значительным из которых на тот момент был вопрос об исхождении Святого Духа. (Это в наши дни римокатолики от православных отделяют еще и новые латинские догматы о Богородице, о чистилище и о папском примате, в совокупности, вероятно более серьезные). До XI века эти различия спокойно терпелись и не выносились на широкую публику, ибо были понятны лишь узкому кругу богословов. После Керуллария в борьбу патриархатов вовлекаются народные массы под флагом борьбы с ересью. Подобным образом в свое время лидеры монофизитства вовлекли массу простонародья и монашества в борьбу против «ереси Нестория и Халкидона» за свое «кирилловское православие». И если в XI веке список латинских ересей составлял всего три пункта, то уже к XII веку он расширился до 60 с лишним. Хотя при этом параллельно продолжались переговоры о «соединении церквей» и в XII, и в XIII, и в XIV веках, и вплоть до самой Флорентийской унии и падения Константинополя. Простые прихожане воспитывались в обрядовом благочестии и неприязни ко всем чужим, а церковные верхи вели свою политическую игру, пытаясь воспользоваться при случае и услугами «еретиков-латинян», когда это было им выгодно. Все, как и теперь.

Результатом такой политики стал малоизвестный теперь погром латинян в Константинополе в 1182 году. Подтолкнул к погрому очередной дворцовый переворот, совершенный Андроником Комнином, который с изощренной жестокостью убил вдову и сына предыдущего императора Мануила Комнина. Толпа греков разгромила латинский квартал – Галату, убила около двух тысяч купцов и паломников, разгромила латинские храмы, разграбила товары. Больные латиняне из госпиталя были выброшены в море и утоплены, около четырех тысяч католиков были проданы в рабство туркам! Патриархия не пыталась остановить это преступление и не осудила его. Случившийся через 22 года захват Константинополя крестоносцами и его грандиозное разорение были карательным ответом на погром 1182 года. Латинский погром далеко превзошел погром греческий, но это количественное, а не качественное различие. И то, и другое суть черные страницы христианской истории, не имеющие оправдания. Зверства и безобразия западных

крестоносцев, грабивших Византию, известны и достойны всякого осуждения. Но и греки платили им той же монетой, когда только могли. Акад. Ф. И. Успенский приводит пример правителя Коринфа Льва Сгура, который в 1220-е годы захваченных в плен латинян, в т. ч. Монахов и священников распинал на крестах. И это – защитник православия?

Думается, русскому православному христианину нет нужды в этом историческом «матче» Константинополя с Римом болеть за «сборную Византии».

При этом весь XIII век с перерывами Константинопольская патриархия вела переговоры с курией, которые завершились Лионской унией 1272 года. Подписывая эту унию вместе с лидерами патриархии, император Михаил Палеолог тайно подготовил и профинансировал «Сицилийскую вечерню» - коварное истребление руками местной мафии участников нового крестового похода, собравшихся на Сицилии (1274). Циничная ложь и вероломство суть все-таки более тяжкие грехи, чем заблуждения в области догматов. Еще блаженный Августин Гиппонский на тезис, что еретики не спасутся, отвечал вопросом: а спасутся ли православные лицемеры? Именно Михаилу Палеологу принадлежит выражение: «благочестие, окаменевшее в маске». Это была характеристика византийского православия.

В XIV и XV веках продолжалась такая же церковно-дипломатическая игра с Римом: переговоры с папами об унии ради политических выгод и одновременно проповедь среди простого народа о латинских ересь. Между тем массы народа на византийских территориях в эти годы уходили в настоящую дуалистическую ересь богомилства, родственную манихейству, а на территориях, занятых турками, переходили в ислам. Вот где православие несло главные людские потери! В самом же Константинополе церковные иерархи обсуждали вопрос, что предпочесть: подчинение «папской тиаре» или «султанской чалме».

Известно, что одновременно с Ферраро-Флорентийским собором (1437-39), собранным папой Евгением IV, проходил представительный собор в Базеле, где со всей Европы собрались богословы, князья, духовенство и миряне, представлявшие оппозиционное папе «соборное движение». Константинопольская делегация могла бы поехать и в Базель, поддержать антипапскую оппозицию и получить военную помощь. Вместо этого она поддержала папу Евгения, подписала новую унию и помогла папе задавить «соборное движение». Этим поступком она еще раз уронила авторитет своей церкви в глазах анти-папской Европы. Подписание унии с папой подтвердило, что сама идея папства никогда не вызывала отторжения у Константинополя, никогда не рассматривалась им с евангельских позиций, а вот как раз широкое соборное движение с публичным обсуждением спорных вопросов и с зауженным полем для закулисных интриг было ему чуждо.

Тогдашний христианский Запад был многообразен, а не един. Был папский престол со своей политикой господства над всеми, были его сторонники. Но были в немалом числе христиане, воспитанные в западной церковной традиции, но искренне искавшие Христа и готовые на подвиг ради своей веры – и при этом недовольные папским искажением христианского духа. И вот, для таких людей византийское православие оказалось крайне непривлекательным из-за лживости и вероломства его возглавителей. Спустя полвека идейные наследники западных противников папства стали протестантами, а спустя век даже пытались обращаться к Константинополю с предложением религиозного диалога – и, разумеется, безуспешно.

В результате своей чрезмерно лживой политики Византия осталась почти без помощи перед последним турецким штурмом 1453 года. Хотя и в этой последней обороне Константинополя главную роль сыграли итальянские и испанские добровольцы в количестве полутора тысяч человек, которые 50 дней обороняли город от сотысячного турецкого войска.

Церковь – мать или мачеха?

Для обоснования своей власти над славянскими народами Константинопольская патриархия всегда претендовала на звание «церкви-матери». Действительно, догматическое учение, литургическую практику и преемство иерархии славянские церкви получили от Царьграда. Но мать от мачехи отличается не только тем, что сама родила своих чад, но и заботится о них по-матерински. И вот в этом отношении Константинопольская патриархия вела себя совершенно не по-евангельски. В области пастырства, как и в области морали, заключается главный негатив византийского православия.

Первой из славянских стран христианство приняла Болгария в 860-х годах. Константинополь сначала не хотел давать болгарам даже одного епископа. Из-за этого болгары обратились к Риму, но епископа им оттуда тоже не дали. Затем они вернулись под Константинополь, выторговав себе епископов.

Самопровозглашенную в 890-е годы автокефалию Болгарской церкви Константинополь не признал и объявил Болгарскую церковь схизмой.

Такое объявление ставило осужденного вне закона, вне всякого милосердия и пощады. Хуже ереси и схизмы тогда преступления не было.

Церковная борьба греков с Болгарской церковью шла параллельно с жестокой борьбой против Болгарского царства и продолжалась более ста лет (конец IX - начало XI века). Жестокая война шла не с мусульманами и не с еретиками, а с православными единоверцами, всего лишь захотевшими церковной самостоятельности. Византийцы вели эту войну «без правил». В ней были факты и тайных убийств болгарских царей, и ослепление тысяч пленных болгар, и натравливание на них язычников – венгров и печенегов и прочие коварства и жестокости. Патриархия не осуждала таких методов войны, разделяя общие византийские взгляды, что против схизматиков и варваров все средства оправданы. Патриархия также считала, что все новокрещенные христиане являются тем самым подданными единственного законного христианского императора – византийского василевса. И если они воюют с василевсом за свое непризнанное греками государство, то, значит, они мятежники, которые, согласно византийскому законодательству подлежат ослеплению и отсечению правой руки.

В 1015 году было сломлено последнее сопротивление болгар, ликвидировано Болгарское царство и его Охридское патриаршество. Занятая территория подверглась принудительной эллинизации, славянское церковное наследие св. Кирилла и Мефодия изгонялось. И позднее греки неоднократно жгли славянские книги, где только находили их, даже на Афоне в XVII веке (по свидетельству Арсения Суханова).

А церковную службу святым братьям Кириллу и Мефодию тысячу лет спустя после их кончины написал юный русский гимназист Алеша Храповицкий – будущий митрополит Антоний, - а до этого ее так и не было. (Были две отдельных службы малого знака, отдельно Кириллу, отдельно Мефодию, но обе попадают в великом посту или в раннем пасхальном периоде и практически очень редко служатся). Кирилло-мефодиевское наследие, сыгравшее огромную роль в христианизации славян, Константинополю было не нужно (см. об этом выше в нашей статье).

Не признавая болгарскую автокефалию, Константинопольская патриархия ссылалась на каноны, составленные в римскую имперскую эпоху IV-VI века. Но та эпоха предусматривала только одно государство на Балканах и только одну имперскую церковь. При этом сами каноны фиксировали только то состояние церковной жизни, которое уже сложилось, и не могли предвидеть будущего. Мы уже видели, что каноны I Вселенского собора ничего не говорили и о правах Константинополя, которого тогда еще не было. Эпоха Римской империи еще не знала национальных христианских государств и соответствующих им поместных церквей. Возникшие позднее национальные церкви были заражены догматическими ересями, как например, монофизитством – копты, армяне, сирийцы, или арианством – готы и другие германцы.

Болгарская церковь в ереси не состояла, но ее отделение в управлении от Византии рассматривалось, как раскол. Церковное отлучение от Константинополя накладывалось на всю Болгарскую церковь, на весь церковный народ, подобно тому, как и римскими папами накладывались интердикты за неподчинение на целые области Запада. Здесь виден тот же жестокий папско-бюрократический подход, а не пастырский, только в меньших масштабах, чем у римских пап, в соответствии с меньшими возможностями.

Поражает при этом отсутствие в византийском обществе осознания трагичности сложившейся ситуации: два православных народа ведут в течение более ста лет кровавую войну, - и это никого не ужасает. Для византийцев это не братья, а варвары и схизматики. Гораздо больше внимания Константинопольской церкви в это время (X век) занимает раскол на партии «николаитов» и «евфимитов», не признавших или признавших четвертый брак императора Льва Философа. На время греко-болгарской войны в столице пришлось и скандальные 16-летние патриархи, сыновья императоров: Стефан (890-е годы) и Феофилакт (940-е годы). Отметился и патриарх Полиевкт, помазавший на царство Иоанна Цимисхия – убийцу предыдущего императора Никифора Фоки. При этом Полиевкт заявил, что помазание на царство, как и крещение, смывает все предыдущие грехи. Здесь лицемерие и цинизм уже граничили с ересью.

В общем, Византия продолжала в это время жить своей обычной нравственно темной жизнью, когда три четверти василевсов своей смертью на троне не кончали. Ни утверждением евангельских норм в общественной жизни самой своей страны, ни миссионерством за ее пределами византийская церковь не занималась. Проф. Соколов приводит образец типового торгового договора, составленного в патриархии для византийских купцов, которые использовали чиновников патриархии в качестве юристов. В договоре говорится, что нарушившая его сторона навлечет на себя проклятие вместе с Иудой и Симоном-волхвом и

всеми еретиками, отлученными семью вселенскими соборами! Другой памятник, приводимый проф. Скабаллановичем, это составленное в патриархии различие между большими и малыми святынями. Клятву, данную на «больших святынях» (Крест Господень, Плащаница Христова), нарушить нельзя, а клятву, данную на святынях «малых» (глава и десница св. Иоанна Крестителя, мощи других святых) при каких-то условиях нарушать можно. Так в 1071 году, нарушив клятву, данную на «малых святынях» в присутствии чиновников патриархии, заговорщики ослепили свергнутого императора Романа Диогена. К тем самым манипуляциям с клятвами, за которые обличал фарисеев Христос (см. Мф. 23, 16-22), здесь добавлялось еще легальное преступление этих клятв и кровь человеческая!

Да, формально Константинопольская патриархия хранила догматы и литургическое наследие эпохи вселенских соборов, хранила отеческое благочестие, хотя и «застывшим в маске». Но хранила их не столько от еретиков, которых почти уже и не было, сколько от новых христианских народов, ревниво не давая им приобщиться к богатому святоотеческому наследию. Новые народы Византии желала законсервировать в полудиком, варварском состоянии, чтобы удобнее эксплуатировать их экономически, а при случае закрывать их воинами свои шатающиеся границы. Константинополь ставил новым народам жесткие условия: политическое подчинение, во-первых, и культурно-языковая эллинизация, во-вторых. Без принятия этих условий лучше оставайтесь язычниками. Такое охранительство уже прямо противоречило заповеди Христовой, его великому поручению ученикам: *шедше, научите вся языки* (Мф. 28, 20). Поистине, новые фарисеи, подобно евангельским, взяв ключ разумения, сами не входили в Царство Божие и желающим войти препятствовали.

Подобное же отношение к себе очень вскоре испытали и наши русские предки при Ольге, Владимире и Ярославе, но это отдельная большая тема для другой статьи. Вкратце скажем, что и нас ждала бы печальная болгарская судьба, просто руки коротки оказались тогда у греков. Противо-евангельское по своему духу византийское православие очень отталкивало от себя разные народы, и чудо Божие состоит в том, что не все из них оно сумело оттолкнуть от христианства в его православной версии. Но некоторых все же выталкивало в ереси: восток империи – в монофизитство, а тех же болгар после византийской оккупации в XI веке – в богомилство, дуалистическую секту, сродную манихейству, в которую болгары тогда переходили массово. После освобождения от власти мусульман Киликии, Сирии, Месопотамии и Ливана в результате 1 Крестового похода (1096-1099), местные общины маронитов, мелхитов, армян, яковитов массово принимают унию с Римом (в которой пребывают и до сего дня!). При этом они категорически отказываются возвратиться под власть византийской церкви, так сказать, «церкви-матери». Не оправдывая воспаленных национализмов этих народов и их сектантских заблуждений, приходится признать, что Константинопольская патриархия оттолкнула от себя весьма многих своей нетерпимостью. Рим предоставил этим восточным религиозным общинам богослужение на родном языке и внутреннее самоуправление, - то самое, чего не желал давать Константинополь.

И у славян, и у арабов греки препятствовали организации местных духовных школ. Принцип был такой: хотите учиться – поезжайте в Царьград и становитесь греками. На Руси за более чем четыреста лет константинопольского руководства русской церковной жизнью не было устроено ни одной церковной школы и даже каких-либо курсов при митрополичьем дворе. Все наши тогдашние книжники, от митрополитов Иллариона и Климента Смолятича до митрополита Алексия и преподобного Стефана Пермского, были самоучками. В это время рядом, в славянских странах Рим открывал университеты, где, несмотря на все дефекты тогдашней схоластики, все-таки давали систематическое образование. Университеты Праги и Кракова – старейшие в Европе. Константинополь же видел свою задачу в славянских странах лишь в том, чтобы не допустить создания новых автокефальных церквей и собирать с варваров доходы в свою пользу. Развитие местного духовного образования очевидным образом мешало этим целям.

Интересно сравнение восточного и западного папства еще в одном отношении. Рим, добиваясь господства над христианским миром, не соединял с этой идеей какого-либо шовинизма. В конклаве кардиналов, избравших папу, входили лица разных национальностей, не только итальянцы. Соответственно, и папами, даже в Средневековье, побывали и немцы, и французы, и испанцы и те же греки, и даже евреи. В Константинопольский же синод всегда входили только греки, и патриархами могли стать только они. До сего времени на арабском Востоке весь клир Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, «подмятых» уже давно Константинополем, состоит исключительно из греков, хотя паства почти исключительно из арабов. В 1870-х годах Константинопольская патриархия осудила болгар за их попытку поставить во главе болгарских епархий болгарских же епископов (а не греков),

заклеймив такое стремление «ересью филетизма». Вообще-то, прямой перевод этого слова означает любовь к своему народу, по латыни – патриотизм. Теперь негреческий патриотизм провозглашался ересью. Как отмечали наши русские авторы, тот же самый филетизм у самих греков считался при этом самым чистым православием.

Еще одним серьезным негативным фактором в жизни Константинопольской патриархии была узаконенная коррупция. Торговля священными санами и церковными должностями была узаконена со времен Юстиниана I в виде взимания «ставленнических пошлин» с рукополагаемых. Согласно новеллам Юстиниана все епископы были разделены по размерам своих доходов на пять категорий – соответственно, и плата, взимаемая с рукополагаемых в епископы исчислялась в пяти разрядах. Взимались пошлыны и за иерейскую и диаконскую хиротонию. Профессор Болотов пытался извинить эту систему тем, что она хотя бы ограничивала размер выплат определенной суммой. Проф. Поснов возражал ему, что, тем не менее, такая система фактически узаконивала симонию, категорически осужденную несколькими вселенскими соборами и правилами св. отцов. В любом случае система взимания ставленнических пошлин противоречит евангельской заповеди о нестяжании, словам Христа и учению апостолов Его, а кроме того, очевидным образом препятствует выдвижению достойных кандидатов на священство и способствует выдвижению недостойных – хотя бы при этом она и гарантировала патриархии определенный доход.

Впрочем, временами сребролюбие патриархии приносило ей же и ущерб. Крупным поражением Константинополя в конкуренции с Римом стал отход в 1389 году властей Великого княжества Литовского под Рим (т. н. Кревская уния). Напомним, что к тому времени девять десятых населения этого княжества составляли западно-римские православные люди, входившие в Киевскую митрополию (которую до сих пор Фанар считает своей территорией). Большинство собственно литовских князей также, хотя бы формально, были крещены в православии. Удержать в своей юрисдикции это большое государство, сделать его своим союзником, для Византии, казалось бы, было не так сложно. Во всяком случае, задача католиков – перетянуть под себя литовцев, представлялась значительно труднее. Но всякий проект требует вложений, а греки привыкли подчиненные им территории только обирать – и проиграли. Литовские князья во главе с Ягайлой ушли к тем, кто им давал, от тех, кто с них только брал.

Многие западные историки считали, что главным грехом Византийской церкви было ее подчинение василевсам, утрата ею церковной свободы. Но любая защита предполагает ограничение свободы. Забор, бронежилет, парашютные стропы – все это ограничивает вашу свободу, спасая вашу жизнь в определенной ситуации. Здравый компромисс между защитой и свободой найти можно, не только теоретически. На самом деле, как показывает исторический анализ, главным грехом Константинопольской патриархии было не внешнее подчинение светской власти, не симфония с нею, и даже не соучастие в отдельных ее грехах, а **собственное внутреннее духовное перерождение** в некую церковную монархию, даже деспотию, с соответствующими служителями. Не подчинение императорам унижало церковных иерархов (до какой-то степени и это необходимо), а их попытки самим играть роль церковных василевсов по отношению к собратьям. Превращение церковных пастырей в чиновников церковной системы, соответствующих своим светским византийским коллегам, вороватым, вероломным и надменным, – вот что подлинно унижало Византийскую церковь.

Не существует противоречия в том, чтобы быть сторонником политической монархии и одновременно быть противником монархии церковной. У царства мира сего и Царства Божия разные задачи. У них разная сама природа. Царство мира сего ставит целью не построить рай на земле, а не допустить на ней ада, а Царство Божие, Церковь Христова строит именно рай в душах, воспитывает небожителей. Поэтому для мирского царства подчинение, дисциплина, единоначалие – совершенно необходимые и естественные инструменты, которые становятся малопригодными в среде церковной, в строительстве Града Божия.

Именно такая византийская симфония государственных и церковных дельцов рухнула в 1204 году от не очень сильного удара со стороны Запада. Всего 15 тысяч крестоносцев легко взяли миллионный Константинополь, а затем прошли, не встречая сопротивления, и всю Византийскую империю. Академик Ф. Успенский подчеркивал, что как империя Византия прекратила свое существование именно в 1204 году. До турецкого завоевания, бывшего два с половиной столетия спустя, дожили лишь ее осколки. Можно сказать, что это был ответ Промысла на претензии Константинополя на господство среди православных народов, не подкрепленные нравственным авторитетом. Православие, заключенное только в догматах и литургике и игнорирующее Евангелие, оказалось не жизнеспособным.

В мае 1453 года армия турецкого султана Мехмеда II захватила Константинополь. Мы помним, что со времен «Епанагоги» (IX век) греки твердо веровали и исповедовали, что царство от них не отнимется до скончания века, считая, что только они угодны Богу своей верою и благочестием. Теперь пришел конец их царству, но не конец их самомнению. Подобно иудеям, которые в падении Иерусалима в 70 году винили «плохих евреев», не имевших zelотской ненависти (вроде Иосифа Флавия) и фарисейского благочестия, греки тоже считали виновными в падении столицы униатов и латинян (хотя именно латиняне и защищали город от турок), но не самих себя. И претензии Константинополя на господство в православном мире вовсе не были пересмотрены, хотя прежний «град царя и синклита» стал теперь градом исламского султана.

Через месяц после штурма города султан Мехмед назначил новым патриархом Геннадия Схолария. Во время Флорентийского собора этот придворный был активным сторонником унии, позже под влиянием митрополита Марка Эфесского стал ее противником. Во время осады города турками он проповедовал безнадежность его защиты, греховность помощи латинянам и униатам. Когда турки ворвались в город, его сторонники встретили их с миром. Султан по достоинству оценил эту пораженческую пропаганду. Геннадий принес султану присягу верноподданного, признал султана правопреемником византийских василевсов – и получил из его рук панагию, крест, посох и фирман (указ), подтверждающий права Константинопольской церкви. Султан учел, что православные греки, руководимые Геннадием, сдались туркам добровольно, и потому оставил им половину храмов Константинополя, в том числе храм Двенадцати апостолов, Влахернский храм и другие святыни. (У тех, кто сопротивлялся, мусульмане отбирали под мечети все храмы). Через полвека патриархия утратила большинство этих храмов, отказавшись тратить на их ремонт и передав их туркам. Сребролюбие вновь оказалось превыше всего.

Важнейшим положением фирмана Мехмеда и аналогичных фирманов всех последующих султанов было признание за Константинопольским патриархом статуса «милет-баши», главы «милета», т. е. общины всех православных христиан Османской империи. Милет-баша отвечал перед султаном за лояльность и уплату налогов православным населением, а взамен получал права над этим населением, превышающие его права даже при византийских императорах. Так он получал право собирать в свою пользу десятину со всех православных, мог судить их своим судом по делам, кроме политических, и даже мог заключать их в тюрьму и ссылать на галеры. Он мог единолично смещать и назначать епископов, запрещать богослужения в целых областях за неподчинение себе или неуплату налогов и т. д. Избежать патриаршего суда человек мог, только перейдя в ислам. (К чести греков нужно сказать, что массового их перехода в ислам все-таки не было). Воспользовавшись этими правами Константинопольские патриархи ликвидировали вновь автокефальные церкви Болгарии и Сербии, которые ранее признавали, и окончательно подчинили себе восточные патриархаты Османской империи, вернее то, что от них еще оставалось.

Таким образом, Константинопольский патриарх стал государственным чиновником Османской империи. Как и все вельможи восточных деспотий, он был одновременно и полным господином над подчиненной ему паствой, и рабом султана, который мог его изгнать и лишить жизни. Константинопольская патриархия вступила в новую симфонию и на четыре с половиной столетия стала надежной опорой Великой Порты. Даже в конце XIX века, когда Османская империя уже шаталась, патриархия твердо поддерживала султанскую власть. Академик Ф. Успенский вспоминал, как при личных встречах архиереи патриархии говорили ему: вы, русские, наши главные враги, потому что хотите разрушить Османскую империю, где мы, греки, так хорошо живем.

Среди многочисленных воззваний Константинопольской патриархии в поддержку Османской империи стоит отметить «Братское слово», написанное патриархом Григорием V (под псевдонимом), незадолго до греческого восстания 1821 года. В нем он укорял будущих повстанцев за их злоумышления против «богохранимого» султана и доказывал промыслительность установления султанской власти и ее благотворность для сохранения православия от козней Запада. Действительно, до начала XIX века султанская власть в спорах между «своими православными» и «чужими католиками», как правило поддерживала «свою» церковь, а то и использовала ее в своей борьбе против Запада.

После начала восстания 1821 года патриарх Григорий предал греческих повстанцев анафеме в крайних выражениях и изверг из сана нескольких епископов, которые их поддержали. Вскоре после этого толпа турок-фанатиков, видимо, ничего этого не знавших или не понимавших, ворвалась в здание патриархии и потребовала от патриарха перехода в ислам. Патриарх отказался и был повешен фанатиками на воротах.

Его мужественная кончина не дает права сомневаться в искренности его убеждений. Он пострадал от толпы, а агитировал за власть монарха, могущего обуздать и турецкую и греческую толпу. Во многом он был прав в своей брошюре, выступая против греха революции. Он оказался честным милет-башой, желавшим блага своей пастве, и честным государственным чиновником, верным своему султану. Остался он и верным Христу до конца. Вопрос только в том, насколько при всем этом он мог быть подлинно вселенским патриархом, главою всех православных, большинство из которых входили уже в состав Российской, а не Османской империи?

Константинопольская патриархия не только старалась предотвратить все мятежи против султанской власти (за что ее не осудил бы и Сам Христос!), но и обеспечивала султанское войско многочисленными христианскими контингентами, доходившими до половины личного состава армии, и особенно флота. А ведь исламский меч султана всегда был направлен против христиан, католиков или православных! Во всех войнах Османской империи патриархия молилась за победу исламского оружия против христиан, как западных, так и восточных. Во время всех русско-турецких войн XVIII-XIX веков она рассылала по храмам отдельные молитвы о победе над «северными варварами». По воспоминаниям Ф. Успенского о победе над русскими на Афоне молились даже во время русско-японской войны!

Церковная политика патриархии также шла в русле османской имперской политики. Именно по распоряжению султана был собран собор 1485 года, на котором Константинопольские иерархи постановили приравнять католиков к еретикам 2 разряда (вроде ариан) и принимать их через миропомазание, чего до этого не было. На это решение собора часто ссылаются православные ревнители, борцы с экуменизмом. Вопрос: можно ли считать решение подтурецкого собора, продиктованное политическими соображениями, богодухновенным? – ими почему-то не ставится.

Поскольку Османская империя, воюя в XV-XVIII веках с католическими странами, искала себе союзников среди протестантских государств, она поощряла контакты «своей» церкви с протестантскими конфессиями. Чиновники патриархии, посещая Англию, Голландию, Швейцарию, Германию, почти всегда исполняли поручения султанской дипломатии и разведки. Одновременно они были и торговыми представителями греческого бизнеса. Стоит отметить, что начиная с самого султана Мехмеда, правители Османской империи, изгнав итальянцев, всю торговлю передали в руки греков, оставив себе администрацию и военное дело. Греческие купцы контролировали в Османской империи львиную долю внешней торговли, судостроение и судоходство. Греки же составили и большую часть внешнеполитического ведомства турок. Уже с XVI века большинство богатейших людей этой империи были греками. Турки их называли «шайтан-оглы» (дети сатаны), намекая на их нравы и методы обогащения. Богатейшие греческие купцы и чиновники султанского двора жили в особом квартале Стамбула – Фанаре, где располагалась и патриархия. Именно фанарские греки имели решающее влияние на управление патриархией, имея нужные средства и связи при султанском дворе.

Стоит подчеркнуть, что Османская империя, в отличие от позднейшей турецкой республики) не была чисто турецким государством и не страдала турецким национализмом. Как империя, она была сложным, многокомпонентным явлением, основанном не только на силе турок, но и на «симфонических отношениях» с верхушкой покоренных народов, прежде всего, греков. Достаточно сказать, что в течение XVI века, по подсчетам историков, среди даже верховных визирей не было ни одного этнического турка, а были только греки, албанцы, славяне – конечно, все принявшие ислам. Современные генетические обследования показывают, что нынешние турки по своему генотипу лишь процентов на 30 родственники тюркских народов, а на 40% - потомки греков и албанцев и на 30% - славян.

Феномен Османской империи, просуществовавшей четыре с половиной века, в том и заключался, что она располагалась на территории Византии, с византийским же населением и столицей и даже в симфонии с византийским же патриархом. Отличие было одно – господствующей религией в ней был ислам, причем внешне весьма агрессивный, внутренне тоже не слишком терпимый. В этой империи покоренным христианским народам жилось весьма нелегко. Исключение составляли греки, которые постарались через государственное подчинение этих народов туркам подчинить их же себе в церковном отношении. Фирманы султанов, добытые дельцами из Фанара, обеспечивали Константинопольской патриархии церковную власть над всем православным востоком. И такую-то власть нынешние деятели Фанара пытаются представить как часть непрерываемого православного предания! Нынешние деятели Украины не хотят подчиняться церкви «государства-агрессора». Но именно такой церковью агрессора, причем настоящего, была Константинопольская патриархия в течение веков!

Особого упоминания заслуживает развитие в этот же период симонии. Уже с конца XV века султаны начали выставлять пост патриарха на «аукцион», вручая его тому, кто больше заплатит. Некоторые патриархи, заплатив деньги, через некоторое время изгонялись с этого поста, а затем покупали его второй и третий раз. Для покрытия своих расходов они в свою очередь выставляли на продажу митрополичьи и епископские саны. В XVI-XVIII веках вся иерархия Константинополя стояла на тотальной симонии, и соответственно была незаконной по букве церковных канонов. Это позорный факт, который невозможно отрицать. При этом всю вину на «турецкое иго» переключить тоже невозможно. В акте купли-продажи, каковым является и симония, ответственность делится пополам. Факт симонии Константинопольской иерархии, как и служение ее султанской власти, активно использовала латинская пропаганда. Эти «горестные факты» соблазнили немало православных душ.

Все эти общецерковные грехи должны были бы научить Константинопольский престол скромности, как имеющий нужду в прощении от Господа. К сожалению, и эти грехи не смирили его гордыню и папские притязания. Эмиссары патриархии, собиравшие пожертвования по России и Европе, пели долгие и горестные песни об ужасном турецком иго, чтобы разжалобить слушателей и заставить их раскошелиться. При этом они хвалились, что сохранили «чистоту православия» и не утратили своего первородства среди церквей и своей власти над православными народами.

И вот теперь имеет смысл еще раз обдумать знаменитую русскую мысль XV века о Третьем Риме. Два Рима падоша, а Третий стоит. А если это прочесть не с точки зрения государственной, а именно с церковной? Вот два Рима, разве они не пали как церкви в теорию и практику папизма и корпоративной гордыни? И чтобы спасти все то светлое, что оставила миру Византия ранняя, все догматическое, литургическое святоотеческое наследие, разве не стоит потрудиться и сделаться церковью-хранительницей, не во всем похожей на предшественниц? Третий Рим, как церковная задача, - разве с учетом первых двух, не оправдана она с евангельской точки зрения? И до какой-то степени именно Русской Церкви удалось сохранить православие в более приличном, чем у Константинополя, виде.

Показательна история с автокефалией Русской церкви. Самопровозглашенную в Москве в 1448 году автокефалию (в связи с отвержением Флорентийской унии) Константинопольская патриархия, разумеется, не признала. Отвергнув сами эту унию после взятия столицы турками, греки потребовали от русских возвращения под их церковную власть. Независимая к тому времени Москва не захотела подчиниться подтурецкому патриарху. В XVI веке греки многократно приезжали в Москву за сборами. В 1556 году они даже признали царский титул Ивана Грозного (разумеется, не бесплатно). А официального признания автокефалии Русской церкви с их стороны все еще не было. И лишь в 1589 году приехавший опять за деньгами на Москву патриарх Иеремия II получил искомое, только признав автокефалию Русской церкви и установив на Москве патриаршество. Этот тяжелый церковно-дипломатический поединок был выигран русской дипломатией во главе с Борисом Годуновым и стоил немалых денег.

В 1686 году подобный же поединок завершился формальным присоединением к Московскому патриаршеству и Киевской митрополии. Нынешние противники Москвы подчеркивают, что эту митрополию московские посланцы купили у тогдашнего верховного визиря (кое-что перепало и Константинопольскому патриарху Дионисию). Но напомним, вся система тогдашней патриархии стояла на симонии и коррупции, как и вся система Османской империи – на «бакшише». По-другому, по каким-то европейским нормам XXI века, никакие дела там не делались. Сама Константинопольская патриархия обращалась с Киевской митрополией, как с объектом недвижимости: то сама эксплуатировала, то сдавала в аренду, и наконец, продала. Сейчас она говорит, что и продала ее, дескать, «понарошку», а не по-настоящему (хотя деньги получала настоящие!). Но многолетние беззаконники, симониты из Фанара, не имеют на чужих землях никаких прав. Также не имеют силы и их властные права, полученные от турецких султанов, за деньги ли, или за верную службу тому государству, которого уже больше нет.

С XIX века противоречия между Русской церковью и Константинопольской патриархией постепенно нарастали. Грекам не нравился рост авторитета Русской церкви, ставшей новым, реальным лидером православного мира. Активная миссия Русской церкви в Святой земле через Императорское Палестинское общество, поддержка балканских церквей, защита восточных христиан (армян, айсоров и др.) вызывала скрытое раздражение в Фанаре. Российский Синод не признал отлучения всей Болгарской церкви в 1867 году за «ересь филетизма», а затем Болгария и вовсе была освобождена от турецкой власти, соответственно, и от фанарской в церковном отношении. Греки были тогда близки к разрыву с Русской

Церковью, и только финансовая зависимость от Российской империи удержала их от этого шага. Свое мщение они отложили до более благоприятных обстоятельств.

Подчеркнем, что в своем противостоянии Константинополю русские никогда не опускались до его методов. Еще в «Повести временных лет» ставшая потом пословицей фраза, что греки «лукавы суть до сего дне», как бы проронена сквозь зубы, дана без особых разъяснений и иллюстраций. Все факты (а это только малая часть), приведенные в этой статье, как правило, являются шокирующим откровением для русского православного человека до сего дня. Наши историки и служители миссий на Востоке, которые впервые порусски записали все эти сведения лишь в XIX веке, и тогда еще издавались в России лишь малыми тиражами для специалистов, и сейчас их книги переизданы спустя сто лет снова крошечными тиражами и совершенно неизвестны православным массам. Информационная война византийцев против Руси тысячу лет шла только «в одни ворота». Все враждебные акции Константинополя на Руси постоянно замалчивались. Русские люди продолжали видеть в восточных посланцах только братьев, притом еще и страждущих, и постоянно помогали им материально. В международных и межцерковных отношениях это исключительный случай, если не сказать, беспрецедентный!

После крушения Российской империи в 1917 году и начала большевистских гонений на Русскую церковь Константинополь абсолютно ничем не помог гонимым российским собратьям или хотя русским беженцам. Больше всех помогли тогда русским изгнанникам протестанты (англикане и лютеране), за ними шли католики (хотя бы и надеявшиеся переманить людей к себе), помогли и балканские православные – сербы и болгары. Греки не помогли ничем, хотя за века вывезли из России массу пожертвований. Более того, воспользовавшись бедственным положением Русской церкви, Константинополь отнял у нее епархии в Польше, Финляндии и Прибалтике, в Западной Европе, даровав кому автономию, кому автокефалию под своим старшинством. Подобная корыстная политика продолжается и по сей день.

После падения султанского режима в 1918 году и расчленения Османской империи Фанар постарался найти себе новых политических и финансовых покровителей на Западе (в т. ч. среди масонских лож). В результате такой церковно-политической линии последних ста лет он не приобрел церковную свободу, а перепродал ее атлантистам-глобалистам. Внешне это проявилось в частности в активном участии Фанара в экуменическом движении, в переходе на новый календарь и других либеральных реформах, уже осуществленных и еще намеченных. Но главное все-таки состоит не в этих внешних проявлениях, а в существенном подчинении всей структуры Константинопольской патриаршей власти деятелям антихристианского глобализма. Конкретно, Госдеп США последние десятилетия активно поддерживает имидж Константинопольской патриархии, как главы восточного христианства, и собирает под власть этой главы православные церкви политически зависимых от США стран. Если еще в XIX веке западная историография бурно обсуждала огромный исторический негатив Фанара, то сейчас об этом предпочитают не вспоминать. Фанар стал частью западного мира и не только частью, но и **инструментом** его в геополитическом противостоянии России, пока еще не подчиненной глобальному мировому порядку под гегемонией США. Заботливая рука точит этот инструмент и не дает ему заржаветь.

Московской патриархии советских времен досталось все это историческое и церковно-дипломатическое наследие. По старой традиции Фанарский сор из православной избы ею не выносился, а политическая конъюнктура в определенном смысле была для Москвы благоприятной. Православные церкви в странах «социалистического лагеря», разумеется, поддерживали Московскую патриархию. Тогда-то она и пустила в оборот термин «плерома православия» - как прикрытый противовес папистским замашкам Фанара, тогда и развивала учение о православной соборности, о епископе, первом среди равных... Русские православные люди привыкли считать, будто все эти разговоры отражают некую сложившуюся церковную реальность.

Между тем, к настоящему времени реальность сложилась так, что из всех исторически православных стран только Россия и Сербия оказались не втянутыми в орбиту влияния США и НАТО. Особая обстановка в Сирии. И чтобы геополитическое противостояние не мешало главной задаче Церкви, всю изложенную темную историю необходимо как-то трезво осмыслить. Какие выводы должны сделать для себя православные христиане, ревнующие, прежде всего, о Царстве Божием и правде его?

Первое. Долгое время все мы, не зная подлинной истории Церкви, пребывали в заблуждении относительно Константинопольской Церкви, как образца православия и гаранта правоверия. В основе нашего исторического взгляда была положена простенькая схема из учебника по закону Божию: вначале, мол, все были православными, а в 1054 году Римская церковь по гордости своих пап отпала от дружной

семьи православных церквей. Как видим, все было совсем не так. Мы должны уяснить, что безгрешных церквей, т. е. видимых на земле церковных организаций, не было и не будет. В церковных спорах нет однозначно правых, а гораздо чаще обе стороны виноваты, может быть, в разной мере. И нам нужно наконец отбросить навязанный нам с Востока критерий доброкачественности православия: лишь бы не ересь, а все другие грехи простимы, исправимы и с Богом нас не смогут разлучить. Это тоже, как видим, совершенно не верно. Нам нужно поменьше учиться православию из уст самих греков, лучше учиться на отрицательных примерах их истории.

Со славянскими ревнителями православия, привыкшими равняться на Константинополь, судьба сыграла злую шутку. Нам внушено, будто греческое православие «испортилось» лишь в 1924 году принятием нового календаря, а потом и экуменическим движением. Греческие старостильники в этом убеждены до сего дня. И наши ревнители церковной чистоты стали равняться на греческих старостильников, перенимая у них фарисейское восприятие веры, оцеживая календарного комара и поглощая всех тех нравственных верблюдов, о которых сказано выше. И прежде всего, наши русские братья переняли греческую надменность и презрение ко всем прочим христианам планеты под видом верности истинному православию. Митрополиты Зарубежной церкви Антоний и Анастасий, как только могли, пытались сохранить дистанцию от греческих старостильников, не ввязываясь в их споры и хиротонии. Когда это все же не удалось, Русская Зарубежная церковь понесла тяжелый урон, сказавшийся гораздо позже, в полной мере – именно теперь, в наши дни.

Вот и первый вывод. Нужно поменьше учиться православию у таких учителей. Иными словами, следовать «формуле Ивана Грозного»: наша вера не от греков, а от апостолов.

Второе. Сама идея папства или патриаршества, (как видим, разница не столь принципиальна) и на Западе, и на Востоке постепенно превратилась в вероучительную истину, догмат ли, или близко к тому. Лидер церкви становится единоличным церковным монархом, епископом над епископами, и вся церковная иерархия из широкого леса пирамидальных тополей превращается в одну огромную вертикаль власти. Чем выше эта вертикаль, тем менее она устойчива. И сама эта папская идея в западном и в восточном ее изводе прямо противоречит евангельской заповеди, данной Христом своим апостолам: первый из вас да будет всем слуга. Идея церковной монархии, несомненно, противоречит церковному принципу единства во множестве, где единство мыслится лишь в главном, во второстепенном разрешается свобода, и во всем проповедуется любовь. Ни любви, ни свободы не остается, а единство становится принудительным, механическим, ложным. Если угодно, в Царстве Божием своя монархия, но место Царя занято Христом навсегда, и никакой человек претендовать на это место не может.

Если же кому-то все-таки захочется принцип централизации церкви доводить до конца, если он не может отбросить в сторону папистские принципы: «кто не с патриархом, тот и не в церкви» или «общение со вселенской церковью осуществляется только через патриарха», то он должен отдавать себе отчет, что место викария Христа давно и прочно занято в Ватикане, что ни папа второго Рима, ни папа третьего никак уже не сможет найти той солидности оснований, которую сумел подвести под себя римский папизм. Если пытаться на Востоке строить что-то вроде церковной монархии, то лучше сразу бросить эту смешную затею и прямо обратиться в Рим. Печальная история Константинопольского папства ярко это подтверждает.

В XIX веке православная русская духовная школа добросовестно и подробно изучила историю Восточной церкви и критически ее осмыслила. В XX веке тяжелые испытания гонений показали непригодность такого института, как патриаршество, для защиты церкви и наоборот, удобство использования этого института для ее гонителей. Последние десятилетия снова показывают, что этот институт, не обеспечивая подлинного единства церкви, препятствует подлинной жизни во Христе, способствует обмирщению церковной жизни и контролю над нею антихристианских сил. Все это вместе должно способствовать пересмотру положения о патриаршестве и выведению его из статуса православного предания.

Третье. В свете всего сказанного следует пересмотреть свой взгляд на церковное единство. Как показывает исторический опыт, искусственное единство церкви вокруг патриаршего престола не способно создать единства подлинного. Соперничество патриархов сыграло большую отрицательную роль, как во времена вселенских соборов, так и в эпоху разделения церквей. Позднее Константинопольский престол не обеспечил и единства в рядах православных народов, еще сохранявших с ним общение и терявших его. Нравственный минимализм, лицемерие, демагогия и шовинизм, многообразное византийское коварство на

протяжении истории всегда были спутниками патриаршего притязания на власть. Именно они оттолкнули искренних людей, ищущих Царства Божия и правды его. Тем людям, которые закрыли глаза на неправду, пришлось заплатить за единство с патриаршим престолом недопустимо высокую цену – усыпить свою совесть.

И в итоге Церковь оказалась разделенной на огромное множество частей и направлений. Не выдерживает критики и миф о некоем всеправославном единстве. Такого единства не существует. Есть гегемония Фанара – и есть более или менее открытое ей противодействие во всех поместных церквях. Фанар не любят нигде, как нигде не любят и нагловатых янки, но, и не любя, перед сильными стелются и прогибаются. Сам православный мир, само собрание официальных православных церквей глубоко расколоты, даже если еще способны на некие жесты вежливости. Расколотое состояние, к сожалению, – это, так сказать, рабочее состояние Церкви. Это нужно принять и отказаться от попыток искусственно всех собирать в один котел. Гораздо важнее просто уважать право других христиан быть собою и быть судимыми только от своего Господа, пред Которым стоят или падают и будут восстановлены.

Литература

1. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви, т 3, 4. М. 1994
2. Карташов А. В. Вселенские соборы М. 1995
3. Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской церкви СПб. 1997
4. Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X, XI веках. СПб. 1998
5. Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века СПб. 1998
6. Лебедев А. П. История восточной церкви под властью турок, кн. 1 и 2. СПб. 2004
7. Мейендорф И. прот. Византия, Русь и Литва М. 1998
8. Скабалланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI веке. Кн. 1 и 2 СПб. 2004
9. Успенский Ф. И. История Византийской империи т. 2 и 3. М. 1997
10. Шмеман А. прот. Исторический путь православия. Нью-Йорк. 1953